

Мит. Россия, 1986, 10 янв.

ХУДОЖНИК

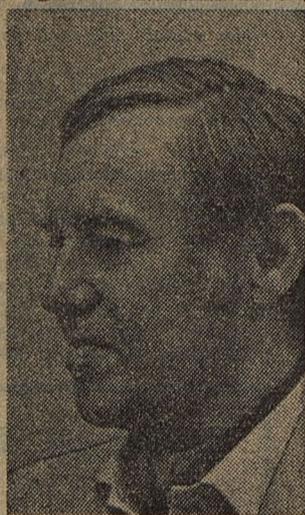
И ЛИТЕРАТУРА

СНОВА и снова возвращаюсь к этой книге... «О русская земля!» — сборник стихов. Вдохновенное слово лучших поэтов России обращено к Родине, через века и десятилетия — к нам. Но книга эта дорога мне не только тем, что в ней собраны многие любимые стихотворения. Нет, не только. Книга эта — законченное, изящное и в то же время величественно-строгое произведение, в котором счастливо объединились слово и рисунок, текст и иллюстрация к нему. Поэтический текст и столь же поэтическая иллюстрация, гравюра. Книга, созданная мастерством и умением иллюст-

разительном искусстве, считаете основной ксилографии?

Начиная догадываться, какой ответ нужен, отвечаю: — Самшитовую доску.

— Вот. А где они — в том количестве, которое необходимо художнику, постоянно и много работающему в этой технике? Уходят люди, которые были поставщиками такого материала для графиков. А со специалистами уходит не только ремесло, но и исчезает материал — шлифованные особым образом самшитовые доски (эти доски можно делать и из граба, березы, другого дерева...). Поэтому, чтобы от нашей с вами беседы была бы польза всем художникам-графи-

представил на его месте своего знакомого — человека общительнейшего, «душу общества», но из тех, что ради красного словца церемониться не станут...

— Читаете вы быстро?

— Нет, медленно, с паузами. Необходимо поразмыслить над книгой, но не над событийными линиями, а как бы настроиться на переживания героев книги. Прочитав произведение, иногда делаю скульптурный портрет героя, представляю на его месте или актера, у которого хорошо бы получилась такая роль, или кого-нибудь из знакомых... В любом случае за дело принимаюсь окончательно только тогда, когда отчетливо представляю себе людей, населяющих произведение, живых героев, с которыми предстоит общаться читателю, а через них — с самим писателем, поэтом...

— С мечтами все ясно. А вот что вам не удалось или не удается пока?

— Оформление поэтических книг...

— Не согласна. А как же «О русская земля!», или гравюрный цикл «Песнь о земле и хлебе», или иллюстрации к поэтическим произведениям Гамзатова.

— Но это так и есть! Больше удается проза, если хотите — эпос, но стихи... Я вообще против каких-либо амплу в искусстве, будь то театр, кино или книжная графика. Так уж получилось, что мне очень везло: издательства заказывали мне иллюстрирование великолепных книг, великолепную прозу. Каждый писатель — это особый мир, у него своя образно-зрительная среда, свой воздух, свой колорит, динамика. Вот, например, Лев Толстой. Пространство его произведений огромно поистине вселенски, будь то рассказ или роман-эпопея... В каждой новой книге для художника есть тайна, «сопротивление материала». Приходится иногда и ломать свои представления о том, как надо иллюстрировать книгу...

Но вот уж в этом убежден и стою твердо: люблю лирику Тютчева, Есенина, а оформлять не буду. Невозможно, по-моему, переложить их тончайшее, великое искусство на язык зрительных образов. Сейчас бьюсь над книгой русской эпиграммы. Делать тут прямую иллюстрацию — получится нечто, что и будет существовать отдельно от книги, как бы выламываться из нее...

Хочу сказать еще вот о чем: два раза мне посчастливилось оформлять «Слово о полку Игореве». И оба раза — хотя моя работа понравилась заказчикам, а после выхода в свет и читателям — чувствую, не сделал так, как надо, как этого требует само произведение. «Слово» — это такая неисчерпаемая глубина, мощь и сила, красота и величие... Это — публицистика тех дальних времен... Сейчас очень бы хотелось оформить публицистическую книгу. Хочу этого не только как собственно художник, но и как главный художник издательства. Здесь много творческих возможностей. Работая над серией «История Отечества в романах, повестях и документах», я убедился в том, что исторический документ, его фотография, обладает сильным эмоциональным воздействием, расширяет кругозор читателя, дает эффект присутствия — то, чего я добиваюсь от своих иллюстраций...

Мы прощаемся с нашим собеседником, вернее — расстаемся ненадолго, ведь стоит открыть один из томов «БВА», или очередную книгу «Художественной литературы», или сборник стихов «О русская земля!» — и к нам придут и русская красавица, и ратоборцы, и живые герои Ю. Бондарева, и гамзатовская Патимат, и сам Пегас, летящий над земным шаром.

Беседу вел
Елена ПЛАХОВА

Владимир НОСКОВ:

«Лучшая МОЯ КНИГА еще впереди...»

ратора и полиграфистов. Работа заслуженного художника РСФСР Владимира Носкова.

Совсем как в старину несет она на себе клеймо мастера. Впрочем, при желании он мог бы ставить на изданиях, проиллюстрированных им, им оформленных от макета до шрифта (то есть созданных как собственно книга), свой, такой узнаваемый и, пожалуй, выражающий и сам характер творчества художника, знак — летящий над земным шаром Пегас. Конечно же, вы хорошо знаете эту эмблему, ставшую маркой издательства «Художественная литература», возникшую в начале шестидесятых, когда задумывалась и закладывалась знаменитая «Библиотека всемирной литературы». Ее тома стали во многом образцом полиграфического искусства, а иллюстрации вошли в золотой фонд нашей отечественной книжной графики... Причем ряд книг из этого замечательного собрания — и каких: Филдинг, Цвейг, «Плутовской роман»!.. — проиллюстрирован В. Носковым.

А какими словами передать свое изумление, нет, восхищение таким фактом из биографии Владимира Александровича, которому исполняется сегодня, 10 января, 60 лет: им оформлено, проиллюстрировано более 600 книг. Даже если бы евпаторийский мальчик, очутившийся в шесть лет в громадном и шумном столичном городе, начитавшись, вернее, насмотревшись превосходных книг из библиотеки родителей, а более всего — брата отца, геолога, вдруг проявив блистательные способности, взялся за гравюру на дереве — трудно и представить такое! — то каждый год он должен был бы выпускать десятка полтора книг... Повторюсь — и каких книг!..

Пусть читатели простят меня за такое длинное вступление к их встрече с мастером. Владимир Носков, впрочем, не очень-то любит излагать свой взгляд на большую аудиторию, выступать в печати, беседовать с корреспондентами. Оправдывается своей громадной загрузкой (согласился с ним). Но коль скоро главный художник одного из крупнейших издательств страны — «Молодая гвардия» — Владимир Александрович Носков встретился с нами, зададим ему сразу наш главный вопрос: об осуществлении творческой мечты.

— Мечты... Прежде чем ответить на этот вопрос (на мой взгляд — традиционный во многих юбилейных интервью), хотел бы спросить вас... Что вы сами как человек, пишущий об изоб-

кам, особенно молодым, — вы понимаете, как это важно, чтобы интерес к этой трудоемкой, но и прекрасной технике — ксилографии не иссякал, — я хочу со страниц газеты обратиться к работникам лесной промышленности, ко всем, от кого зависит эта «сторона вопроса»: необходимо помочь художникам, обеспечить их материалом. Ксилография — древнейшая, самая родная книге техника — не должна уйти в прошлое. Странно видеть, как отмирает одна из разновидностей графики — породившая книгу гравюру!.. А ведь на Кавказе делают всякие штучки, сувенирчики из самшита — и в большом количестве... Непонятно!

— Ну а теперь вернемся к тому, с чего начали, к первому вопросу...

— Мечта... Когда еще студентом полиграфического института пришел на первую свою практику в «Молодую гвардию», меня спросили: «Что ты можешь?» «Все!» — отвечаю. Дали работу. Два дня рисовал, вернее, оформлял обратную сторону обложки книги, где цена указывается... Сейчас не скажу: «Могу все!» Да этого и не надо — уметь все. Но то, что я в жизни своей много работал над оформлением и иллюстрациями к классическим произведениям, проиллюстрировал «Слово о полку Игореве», «Тристана и Изольду», произведения Пушкина, Гёте, Свифта, Теккерея, Маяковского, Гамзатова, Бондарева, — это осуществление многих моих устремлений юности... Но, конечно, на традиционный вопрос и ответу традиционнo: лучшая моя книга еще впереди...

— Думая о ваших книгах... Я не оговорилась — ваших, потому что трудно представить, скажем, рассказы Э. По без ваших гравюр, иначе оформленный роман В. Кочетова «Угол падения» — книгу, где ваши иллюстрации как бы движутся вслед за движением сюжета, страниц текста, «Марию Стюарт» Цвейга без как бы скульптурно вылепленных, осязаемых портретов Марии и Елизаветы... Так вот, думая о них, мне кажется, что не будь вы художником книги — стали бы художником театра. В иных ваших книгах (там, где выходные данные) так и хочется написать: не иллюстрация В. Носкова, а сценография В. Носкова. Словом, «в постановке художника-графика». Например, иллюстрация к книге Э. По — это своеобразные застывшие мизансцены, остановленные «прекрасные мгновения» — так полны они, персонажи, их населяющие, внутренней жизни, так напряжены, как натянутая тетива...

— ...Возвращаемся к вопросу об осуществлении мечты... Да. Все так и есть: очень хотел быть

В. НОСКОВ. Из цикла «Песнь о земле и хлебе».

даже не художником кино, а режиссером, но не стал им. Не жалею об этом. Работая над книгой, я чувствую себя и режиссером, и сценаристом, и художником. Иногда даже — актером: так захожу в образ героя книги, что очень ясно представляю себе, как бы он мог двигаться, говорить, смотреть. Работая над «Марией Стюарт», представлял себе, как презрительно, надменно даже не цедит — роняет слова Елизавета, а когда иллюстрировал книгу Филдинга «История Уайльда Великого», то не жизни покойного Джонатана «вжился» в образ героя, а